

Екатерина
Асмус

Сухая
ветка

Екатерина Асмус

Сухая ветка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42596922

ISBN 9785449680402

Аннотация

«Сухая ветка» – это повесть писательницы Екатерины Асмус, на основе которой была снята в 2015 году социальная молодежная школьная экшн-мелодрама «Училка», получившая более 20 призов российских кинофестивалей. Главную роль в картине сыграла Народная артистка Ирина Купченко. «Сухая ветка» – это не просто триллер, а открытая общественная дискуссия на историософские и общественно-политические темы.

Содержание

Саженец	5
Утро. 08:15	10
Почва	11
Утро. 08:30	13
Водоворот	15
Утро. 08:45	20
Завязь	23
Утро. 08:50	26
Утро. 08:55	30
Ветер	33
Утро. 09:00	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сухая ветка

Екатерина Асмус

© Екатерина Асмус, 2019

ISBN 978-5-4496-8040-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Если меня кто-нибудь ударит, что я должен делать?

– Если на тебя с дерева упадет сухая ветка и ударит тебя, что ты будешь делать?

– Что я буду делать? Это же простая случайность, совпадение, что я оказался под деревом, когда с него упала ветка.

– Так делай то же самое. Кто-то был безумен, разгневан и ударил тебя – это все равно, что ветка с дерева упала на твою голову. Пусть это не тревожит тебя, иди своим путем, будто ничего не случилось.

Беседа Будды с учеником

Саженец

– Итак, ребята, кто знает ответ? Ну, смелее, смелее! Не вижу ваших рук!

Пожилая подтянутая седовласая учительница улыбается, глядя поверх Аллочкиной головы в самые глубины класса. Аллочка машет рукой буквально у самого ее лица, но историчка все высматривает кого-то на задних партах. «Ну, спроси, спроси же меня, я же знаю, я же все выучила...» – досадует Аллочка про себя, подпрыгивая на жестком деревянном сидении.

– К доске пойдет....

– Я, я, ну, я же! – Аллочка из последних сил тянет руку вверх, но внезапно и оскорбительно громко слух разрывает школьный звонок, возвещающий начало перемены.

– Ну, Марья Петровна, ну, почему-у-у???

Досада душит, сжимая горло, не дает дышать, Аллочка чувствует, как слезы обиды наворачиваются на глаза, сердце останавливается и становится трудно дышать, а звонок все трезвонит – так яростно, так нагло, лишая последней надежды... Аллочка делает глубокий вздох, рывок из мутной темноты, застилающей глаза, и... просыпается в слезах. На тумбочке у кровати звенит, сотрясаясь от возмущения, допотопный будильник.

Некоторое время Аллочка, ничего не понимая, смотрит

в пожелтевший от времени потолок, затем поворачивается на постели и резким движением бьет рукой по будильнику, выключая его. Звон смолкает, наступает оглушительная тишина, слышно лишь как тикают часы-ходики на стене, немилосердно отмеряя секунды утекающей жизни. На часах – шесть двадцать девять. За окном еще темно. Одна мысль о том, что нужно встать и идти в школу, параличом приковывает Аллочку к постели. А как бежала она туда сорок лет назад, когда была ученицей, отличницей! Сколько радости доставляло ей каждое утро! А теперь – не хочется. Ни за что не хочется. Теперь она – учительница. Алла Николаевна. А точнее – «училка». Больная, старая, потерявшаяся... Предательские слезы снова у глаз, и Алла Николаевна резко отбрасывает одеяло, рывком садясь на кровати. Наскоро проглотив приготовленные с вечера на прикроватной тумбочке лекарства, учительница встает и бредет на кухню, готовить незатейливый завтрак. Водрузив на нос старомодные очки, и привычно ткнув пультом в сторону висящего на стене телевизора, она возится у плиты, под бормотание диктора программы утренних новостей: «Как сообщают наши корреспонденты, американское правительство прислало запрос в Москву на назначение в посольство РФ Джона Теффта. Что может значить это для России? Экспертный совет сообщает, что ничего хорошего это назначение нам не несет!»

Возмущенная услышанным, Алла Николаевна выплескивает на теледиктора весь свой гнев, накопившийся за ночь:

«И что ж это они нашу страну никак в покое не оставят? Все неймется...»

Однако диктор телевизионного эфира – тертый калач, он и бровью не ведет, а продолжает, как ни в чем не бывало: «Но, как считают специалисты, к его назначению нужно относиться спокойно. Если он – автор цветных революций в Грузии и на Украине, то пусть знает, что в России почвы для подобных эксцессов нет!»

Алла Николаевна, которой уже надо бы и поспешить, зависает у телевизора, словно кролик, очарованный удавом, и ввязывается в спор: «А откуда же тогда „либерасты“ на Болотной?»

– Будем надеяться, что Теффт не будет повторять ошибок своего предшественника и призывать наш народ выходить на улицы. Иван Соколов, Ольга Парфенова из Вашингтона, специально для Первого канала – заканчивает свою тираду диктор, никак не реагируя на слова оппонента.

Алла Николаевна скептически качает головой и криво усмехается – все врут, все, все...

– Вашими устами бы, Иван Соколов да мед пить... От такого как это Теффт, что хочешь можно ждать...

Продолжая ворчать, учительница наспех завтракает кашей и бутербродами, суетливо глотая обжигающий кофе. Затем наскоро одевается, и, едва тронув бледной помадой морщинистые губы, закладывает в бездонную учительскую сумку кипу ученических тетрадей. Со стен на нее безмолвно

взирают фотографии – цветные и черно-белые, очень старые и совсем новые, где целые классы стоят по струнке, плечом к плечу, взирая в объектив серьезными, доверчивыми глазами, какие бывают лишь у школьников, еще не знающих, насколько обманчива и коварна реальная жизнь. Марья Петровна – учительница из сна – также присутствует в этой галереи памяти. Алла Николаевна долго и грустно смотрит на нее. «Эх, мама, мама, как же мне теперь...» – проносится в ее голове, но тут голос теледиктора вновь привлекает ее внимание: «А теперь новости Министерства образования. Как известно, каждый педагог должен регулярно проходить аттестацию для подтверждения уровня своего профессионализма... Новый порядок предусматривает два вида аттестации: обязательную и добровольную».

Алла Николаевна, словно вспугнутый мотылек мечется из комнаты в коридор и снова в комнату – за сумкой, торопливо набросив пальто, начинает натягивать сапоги. О господи, Агнесса сегодня насмерть сгрызет... Вот, вырастила же на свою голову...

Схватив сумку, учительница устремляется вниз по лестнице.

Забытый в спешке телевизор мигает всевидящим оком. Передача про аттестацию учителей сменяется программой о животных. Смешной толстощекий хомячок, поблескивая бусинками глазенок, увлеченно жует овсяные зернышки в уютной клетке с беговым колесом. Внезапно рядом по-

является кот. Он подбирается крадучись и, приблизив хищный нос к прутьям клетки, глядит неотрывно прямо в глаза хомячку. Грызун в панике бросает еду и прячется в колесе. Он изо всех сил пытается убежать от кота, накручивая колесо своими крошечными лапками все быстрее, быстрее. А кот пристально следит за ним фосфоресцирующими глазами, и хвост его ходит ходуном от нетерпения.

Утро. 08:15

На улице зябко, но Алла Николаевна будто не замечает мороза. Спеша вдоль заснеженной улицы, она репетирует про себя грядущий и очень неприятный разговор с директором школы. Губы ее шевелятся, и пожилая женщина, идущая навстречу, подозрительно приглядывается, затем, видимо заподозрив душевную болезнь, осуждающе покачав головой, обходит учительницу стороной. «Послушайте, Агнесса Андреевна! Я потомственный педагог с тридцатилетним стажем... Нет, с этого начинать нельзя... Она и так знает... Агнесса Андреевна! Я еще не дописала отчет, но завтра – точно... Ох! Черт бы побрал эту переаттестацию...»

Почва

Молодая и хорошенькая директриса Агнесса Андреевна вышагивает точеными ножками по школьному коридору, постукивает каблучками, повергая в сладостный трепет мальчишек средней и старшей школы. Замерев, они смотрят ей вслед и завидуют сами себе. Ради этакой красоты не жалко время на школу тратить. Вслед за Агнессой спешит ее верный секретарь – старушка Лия Павловна с неизменной толстенной папкой документов подмышкой. Она говорит, не умолкая, параллельно подсовывая бумаги начальнице на подпись.

– Агнесса Андреевна, вот тут еще нужно... И необходимо сегодня решить, кого отправить на районный смотр патриотической песни.

– У нас успеваемость летит в пропасть, не до песен... Прямо не знаю, какие тут песни...

– Патриотические, Агнесса Андреевна...

– Ох, да уж ясно, что участвовать придется... А знаете что, Лия Павловна? Пусть-ка Наталья Петровна про эти песни решает. Она же музыку ведет.

– Я ей, конечно, передам, но представляю, что я услышу насчет дополнительной нагрузки...

– Да ладно вам. Покричит-покричит, да сделает.

Лия Павловна молча поджимает губы, вселенская скорбь

отражается в ее глазах. На ее лице можно ясно прочесть: «Ну, да, не на вас кричать-то будет «музичка»... А мне что делать? Все терпи, терпи...». Вслух же Лия Павловна произносит: «Хорошо, Агнесса Андреевна! Все сделаем. А может, чайку сейчас попьем? С конфеточками? Я вкусненьких купила»!

– Чайку попозже. Сейчас сходим в вестибюль к доске почета, там мне кое-кого нужно добавить... И, кстати, что у нас там, Лия Павловна, по аттестации?

– Почти готово, Агнесса Андреевна! Все учителя документы сдали, кроме нашей Алочки Николаевны...

Утро. 08:30

У школы Аллу Николаевну захлестывает привычный водоворот бегущих, кричащих, вертявых детских тел. Из пестрой толпы периодически слышится на разные голоса: «Здрасти, Алл Никлавна...». Учительница не пытается идентифицировать кричащего, она лишь рассеянно кивает направо и налево. Визг тормозов за спиной резко выводит ее из задумчивости, Алла Николаевна в страхе оборачивается.

– О господи! Кто ж так носится, ведь дети же...

Из недр шикарного авто, круто затормозившего прямо у школьного крыльца, выбирается Илья Раздоров – красавец по кличке «Мачо», в которого влюблены все девчонки старшей и особенно младшей школы. Из окна автомобиля высывается рука в дорогой кожаной перчатке, за ней показывается розовощекое безвозрастное лицо модного «хипстера».

– Мой дорогой, это было просто прекрасно! Отлично! Надеюсь, у нас все-все сложится и дальше! До вечера!

Мачо улыбается «голливудской» улыбкой и дружески жмет «хипстеру» обе руки, затем закидывает рюкзак за плечо и плавно, с достоинством, несет себя по направлению к школе. Машина рвет с места, победно ревя, и оглашая окрестности гимном, посвященным личному успеху хозяев жизни.

Алла Николаевна берется за ручку школьной двери, но от-

летает, чуть не упав – навстречу ей выбегает парень и несет-ся прочь от школы, не разбирая дороги.

– Да что ж это сегодня творится, а!? Зимнее обострение? Дети же здесь!!!

Учительница наклоняется, чтобы поднять свою сумку и слышит над собой вкрадчивый вежливый голос.

– Доброе утро! Вам помочь?

Мачо со своей фирменной улыбкой смотрит на учитель-ницу сверху вниз.

– Что? А? А... Нет, спасибо, Раздоров... Иди на урок...

– Вы в порядке? Точно?

– Точно. Точнее не бывает. Иди, Раздоров.

Мачо исчезает в школе. Алла Николаевна внутренне со-бирается и решительно берется за ручку школьной двери.

Водоворот

В школьном вестибюле учительницу встречает привычная суета. Малыши гоняются друг за другом с криками и визгом, пронырливо мелькая между важными старшеклассниками. Кто-то обсуждает последние школьные новости, кто-то старательно списывает, кто-то торопливо переодевает «сменку», девчонки шепчутся и хихикают, поглядывая на мальчиков, старающихся быть равнодушными и похожими на супергероев. Пробираясь сквозь детское море, Алла Николаевна медленно продвигается к учительской раздевалке. Внезапно до ее ушей доносится голос директрисы, Агнессы Андреевны. Алла Николаевна замирает на полпути, стоя среди орущей и бегающей вокруг нее малышни, словно цапля в пруду среди лягушат. Она вытягивает шею, пытаясь прислушаться к разговору в глубине вестибюля. Рядом с большой доской почета, украшенной фотографиями учителей, что-то обсуждают Агнесса Андреевна, Лия Павловна и математичка Любовь Сергеевна Баранова. Агнесса Андреевна жестикулирует, в попытках пристроить еще одно фото, однако места не хватает. Агнесса размахивает фотографией, прикладывая ее к разным уровням доски, затем досадливо морщится.

– Лия Павловна! Нужно сказать завхозу, чтоб прибил еще пару-тройку крючков. Завтра в школу приходит новый учи-

тель, а места для него нет...

Директриса решительным движением снимает с доски фото Аллы Николаевны и, заменив его, любителю результатом. Удовлетворившись, она кивает. Алла Николаевна, тщетно пытается разобрать ее слова, но шум вестибюля мешает ей. Грустно наблюдая за действиями Агнессы Андреевны, учительница разочарованно качает головой и горько усмехается.

– Лия Павловна, чтоб завтра, ладно? И вернем сразу Аллочку Николаевну на ее место. А пока – пусть так.

Агнесса Андреевна, махнув рукой в сторону фотографий, поворачивается на каблуках и решительно выходит из вестибюля. За ней семенит верный оруженосец – Лия Павловна. Математичка Баранова, оставшись в одиночестве, строго оглядывает свои владения, готовясь призвать к порядку нарушителей спокойствия, и в этот же момент встречается глазами с Аллой Николаевной, стоящей словно столб. Чувствуя ужасное неудобство от произошедшего, Любовь Сергеевна натянуто улыбается и приветственно машет рукой. Алла Николаевна сухо кивает и скрывается в учительской раздевалке.

– Алла Николаевна! Подождите меня! Да постойте же!

Любовь Сергеевна пробирается вслед за историчкой, бормоча про себя: «Ой, как неудобно-то получилось! Алла же черт знает что сейчас себе надумает! И так в последнее время она сама не своя, а тут еще это...» Существенный тол-

чок, едва не сбивший Баранову с ног, возвращает ее к вестибюльной действительности. Возмущенно обернувшись, Любовь Сергеевна видит картину неумной детской ревности: старшеклассница в ярости лупит своего бойфренда, угрожая наступая на него.

– Я знаю, ты вчера с этой крысой Егоркиной в кино тусил, а мне наврал!

Удары сумкой по бедовой мальчишеской голове.

– Ир, ну ты что? С какой нахрен Егоркиной? Нужна она мне... – вяло защищается парень, увертываясь.

Любовь Сергеевна отмирает и решительно хватает девочку за руку.

– Соколова! Ты что? Обалдела совсем? А ну-ка все, затихла как пайныка. Дай сумку сюда. Придешь ко мне на перемене орудие мести забирать! И поговорим. А сейчас – марш на урок, оба!

С этими словами Баранова отбирает у девушки орудие экзекуции и собирается направиться к себе в класс, но Соколова, канюча, преграждает ей дорогу.

– Ну, Любовь Сергеевна, чо я-то? Сумку дайте! Там же учебники! У нас история сейчас, училка меня сгрызет!

Любовь Сергеевна, пыша праведным гневом, раздражается резкой отповедью, словно взывая к самим небесам.

– Не «училка», а Алла Николаевна! Да вы что, совсем совесть потеряли? Вот и пусть она тебя сгрызет, так тебе и надо. Марш отсюда, дорогие дети. Что встали? Марш отсюда,

я сказала!

Девушка начинает обиженно сопеть, но ее бойфренд ни капли не смущен. Обняв свою тигрицу ласково за плечи, он уводит ее из вестибюля и шутливо приговаривает, имитируя интонации Владимира Высоцкого.

– Вор должен сидеть в тюрьме! Я сказал!

Любовь Сергеевна оборачивается в поисках Аллы Николаевны, но той нигде не видно. Зато другая картина привлекает внимание математички. У входных дверей сидит охранник, вокруг него с криками и гиканьем носится школьная мелкота, но он никак не реагирует на окружающий шум и ор – он попросту спит. Любовь Сергеевна тихонько подходит к охраннику и трясет его за плечо.

– Иван Петрович?

Однако реакции никакой не следует. Любовь Петровна в праведном гневе, уперев руки в бока, возмущенно нависает над безгрешно спящим охранником.

– Иван Петрович! Драка!

Иван Петрович, не открывая глаз, отвечает командным шепотом.

– А ну-ка! Прекратить сейчас же! Сявки, цыц! А не то...

После этой тирады он снова погружается в праведный сон, сопя и причмокивая. Не веря своим глазам, Любовь Сергеевна некоторое время пепелит его взглядом, но, поняв, что земля под грешником не разверзнется, разворачивается и,

словно фурия, вылетает из вестибюля.

Утро. 08:45

В учительской привычно пахнет мелом, бумажной пылью и шоколадом, до которого так охочи педагоги в короткие минуты перемен. Учителя, ловя последние минутки перед уроком, перебрасываются анекдотами и дежурными школьными шутками. Алла Николаевна, стараясь быть незаметной, вяло возится у окна, вытаскивая из бездонной сумки из сумки ежедневник, толстую пачку тетрадей, косметичку, носовой платок, авторучку... Чужой смех ударяет Аллу Николаевну в спину – и знает, что не о ней, но вздрагивает – нервы совсем ни к черту....

Лишь громогласное явление физрука заставляет историчку обернуться.

– Мне одному показалось или Иван Петрович у нас под мухой?

Физрук выразительно щелкает пальцами у себя под подбородком, и радостно смеется, сверкая всеми своими тридцатью двумя отбеленными зубами и картинно поигрывая мускулами.

– Так чего делать будем? Надо Агнесе сказать про него! Это ж не педагогично – бухим при детях спать! Эй, Ракитина, хорошо, что зашла! Ты в курсе, что у тебя с козлом проблемы?

Последние слова физрука адресованы к невзрачной стар-

шекласснице, заглянувшей в учительскую. Вежливо поздоровавшись, девушка направляется к историчке.

– Алла Николаевна, что помочь?

– Так... Журнал... Тетради... Дотащишь?

– Конечно, Алла Николаевна!

– Ракитина, про козла не забудь!

– Да, да, Игорь Львович, как кончится освобождение, так я сразу...

– Пересдача, Ракитина! Готовься. И с конем у тебя тоже не сложилось!

Ракитина поспешно ретируется, нагруженная тетрадами, а физрук задумчиво провожает ее взглядом.

– Однако, тенденция. Как отличница – так вечные освобождения от физры. Ну, и видок – соответствующий. Ножки – «как у козы рожки»...

Кокетливая юная биологичка фыркает в ладошку. А возмущенная такой фамильярностью Алла Николаевна открывает рот, чтобы дать физруку достойный отпор от лица всех отличниц, но внезапно рядом с ней оказывается завуч Лия Павловна и вещает заговорщическим шепотом: «Аллочка Николаевна... Агнессочка Андревна просила вас зайти перед уроком...»

Алла Николаевна напряженно смотрит на Лию Павловну сквозь очки взглядом побитой собаки.

– Лия Павловна... А может... После урока, а? А то – сложная тема...

– Аллочка Николаевна, мое дело – передать...

Лия Павловна повышает голос и Алла Николаевна, которой не хочется, чтобы их разговор услышали коллеги, быстро и согласно кивает.

– Хорошо... Хорошо! Я сейчас...

Завязь

В ожидании начала урока истории, одиннадцатый класс проживает маленькую утреннюю жизнь. Как ценна для любого школьника каждая минутка до звонка! За это время можно успеть проделать массу интересных вещей: списать невыполненное задание, обменяться рецептами шарлоток, обсудить преимущества и недостатки ВУЗов, изучить сайт с платьями для «выпускного»... Да мало ли что еще важного найдется! Все действия, помыслы, идеи и мечты значимы и уникальны для человека в школьном возрасте! Каждый день происходит открытие чего-то нового, даже когда часы текут по привычному руслу. Сегодня Олег Зеленцов по кличке «Зеленка» притащил в класс новый гламурный журнал с умопомрачительными фотками девчонок. Его моментально окружают приятели – Саня Шиловский и Витька Гусько и таинство приобщения к красоте начинается.

– Смотри, вот, вот... эта! Я б ей вдул! Тыщи за две-три, нормалёк...

– Ха! Ну, ты дал чувак! Ты б вдул! А она тебе б дала за эту сумму?

– А мне эта не особо... Слабовата... Особенно спереди.

– Ну, ты сказал, Шило! Слабовата спереди... А ты сзади подходи!

Сидящая на соседней парте Милка возмущенно оборачи-

вается.

– Гуся, может, хватит пошлить, а?

– А ты не подслушивай! А то перемонтирую твой бюст на бюст Чайковского. И пусть Бунин это опишет! Эй, позовите Бунина!

Милка отворачивается с возмущенным фырканьем. Ее соседка по парте и закадычная подружка Зая запаздывает, и поболтать не с кем. От скуки Милка наблюдает за одноклассниками. Забавно смотреть, как неумело эта дурында Ильменкова клеится к местному красавчику Мачо. На него вся школа заглядывается, так что нашей Масяне (так прозвали Ильменкову за хрупкость и детский инфантилизм) уж точно не светит. А туда же – старается. Выудила откуда-то огромный чупа-чупс и прет прямо к Мачо. Думает она – Бритни Спирс. Милка напрягает слух – ну-ка, что будет лепетать дурацкая Масяня?

– Илюша, это у тебя что?

– Сценарий новый...

– Круто... И кого ты играешь?

– Представь себе – космического террориста!

– И как? Получается?

– Ну, вообще-то я человек мирный, но актер должен уметь перевоплощаться! Прости, мне роль учить нужно, вечером опять пробы...

Он снова утыкается в сценарий и начинает внимательно его изучать, водя пальцем по строчкам и что-то бормоча про

себя. Масяня, поняв, что разговор закончен, разочарованно вздохнув, отходит. Милка давится от беззвучного смеха. Так тебе и надо, неумеха! Разве так парней кадрят?

– Эй, Милок! А где, ваще, моя Зая?

Шиловский сзади трогает Милку за плечо. Она оборачивается и заговорщически шепчет: «Скоро явится... У нее для тебя сюрприз!»

Звонкий голосок Масяни заставляет ее развернуться обратно.

– Петров! Ты вообще что ли? Она же сейчас придет! Тебе не стыдно? Сотри, слышишь! Петров, я к тебе обращаюсь...

Знаменитый на всю школу хулиган Юра Петров по кличке «Чума», отпетый и неуправляемый, пишет на доске крупными буквами «Училка ТП».

– Петров!!! Ты не слышишь меня??

– Ща дотрындишься, поняла?

Чума хохочет и отшвыривает Масяню от себя, словно собачонку. Милка снова поворачивается к Шиловскому.

– Видал, чего Чума творит?

Но Шиловский, бросив равнодушный взгляд на доску, утыкается в свой телефон, где увлеченно ведет с кем-то переписку.

– Да, пусть... Тебе-то? Она и правда – ТП. Скорее бы уж на пенсию сплывили. Устаревшая конструкция. Ни во что не врубается в современном мире.

Утро. 08:50

За окном директорского кабинета снежинки падают плавно и медленно, летят, пушистые, безупречно красивые, вниз, вниз, чтобы слиться со своими сестрами в белоснежный ковер...

– Алла Николаевна! Так в чем дело? Где отчет?

Какой все-таки мерзкий бывает у Агнессы голос... Такой резкий, требовательный... Вырастила. На свою же голову. Алла Николаевна с сожалением отрывает взгляд от мирно летящих снежинок. Агнесса восседает в роскошном кожаном кресле за обширным столом. Будто тут и родилась. Такая властная, самоуверенная. А ведь девчонка еще! Но бровки хмурит уже совершенно по-чиновничьи... Господи, что же власть с людьми делает! Смотреть на директрису, изображающую истину в последней инстанции —противно, и Алла Николаевна делает вид, что интересуется документами, лежащими на столе. В глаза бросается собственное фото, снятое с доски почета. Агнесса, перехватив взгляд учительницы, быстрым движением накрывает фото белым листом бумаги и становится еще хуже – белое пятно, словно бельмо предательски маячит на столе, выдавая преступницу с головой. Стараясь сгладить неловкость, Агнесса навешивает на лицо еще более строгую мину.

– Ну, что вы молчите, Алла Николаевна? Опять «не успе-

ли»? И это будет продолжаться бесконечно? Боюсь, тут дело не в том, что вы «не успели», вам просто подавать на переаттестацию нечего! Достижений нет! Внеклассной работы нет. Ничего нет!

Ну, поехало. Села на любимого конька. «Лучшая защита – это нападение». Алла Николаевна делает над собой усилие и смотрит директорисе прямо в глаза.

– Агнесса Андреевна! Поймите меня правильно... Практически невозможно в наше время по истории внеклассную работу вести. Да и классную-то... Их же ничего не интересует кроме игрушек электрических! Школа умирает! Вот вы другими были! Потому что время было другое!

– Зря вы так, Алла Николаевна. Помните фразу: «Времена всегда одинаковые»? Так вот, это – чистая правда. Времена одинаковые, а вот люди – меняются. И не всегда к лучшему. Если лично вы уже не можете с ребятами общий язык найти – так и скажите. А огульно школу хаять не нужно...

– Я хаю школу? Да что вы такое говорите? Да я ж тридцать лет ей отдала!

– Да-да! Я, Алла Николаевна, помню вашу дежурную речевку наизусть! Да, вы тридцать лет в этой школе, сорок лет отдала этой школе ваша мать, и меня вы вырастили и выучили в стенах этой вот самой школы! Так? И в том, что я занимаю этот пост, за который вы меня ненавидите, я тоже должна благодарить именно вас. А я, такая вот неблагодарная свинья, с высоты своего директорства вас вечно шпы-

няю... Так вы и сейчас думаете, верно? А теперь скажите, а мне-то что делать, а? Ведь правила переаттестации одинаковы для всех. И никто в Министерстве не обязан учитывать вашу ничем не доказанную уникальность и наши личные отношения! Так помогите же мне! Помогите мне спасти вас! У вас же возраст пенсионный...

Алла Николаевна не находит возражений – формально все правильно. Теперь же не люди... теперь «человеческий фактор». Мусор под ногами чиновников. Пнул – и отлетело...

– Ни к чему эта беседа нас не приведет, Агнесса Андреевна... Теоретически я прекрасно вас понимаю. Вам же главное – галочку «где нужно» поставить, формальности соблюсти, чтоб все «по регламенту». А то, что за всем этим формализмом стоят жизни детей, уже никто и не учитывает.

Агнесса, теряющая терпение, постукивает по столу безупречными ноготками. Жизни детей... Это – да. Но ведь не тянет уже Аллочка! Возраст же! Пропасть между поколениями! И как сама не поймет? Она будто старый советский будильник, который жаль выбросить – вроде еще работает, но звук невыносимый. Нынешние дети ее и в грош не ставят, а они для нее – словно неопознанные космические объекты.

– Алла Николаевна... Дорогая вы моя... Вечная «классная дама»... Или даже – «классная мама»... Поймите, я уже не ваша ученица, я – ваш директор! Вспомните, Алла Николаевна, как вы когда-то приучали нас к дисциплине! Иногда довольно жесткими методами. А теперь вот – манкируете...

А если между нами – вы даже дочь не сумели нормально воспитать... Вот где она сейчас? В Америке, в Европе? И с кем? Все с этим патлатым типчиком?

Перед глазами у Аллы Николаевны всплывает фотография – она, дочь и ее муж «неформал». Карточка стоит на стеллаже, словно «немой укор». На оборотной стороне своим небрежным почерком дочка написала перед отъездом: «Дорогой мамочке на память и на счастье! Все будет хорошо!» Вот уж счастье привалило... Что будет хорошо? Что «все»? И когда оно будет? Опять предательские слезы уже у самых глаз, нельзя, чтобы Агнесса увидала. Господи, только не это. Алла Николаевна медленно разлепляет пересохшие губы.

– Ты права Агнесса... Вы все правы... Я – плохой учитель... И плохая мать...

Алла Николаевна, не глядя на Агнессу Андреевну разворачивается, и, пряча глаза, словно автомат выходит из кабинета. Молодая директриса сочувственно смотрит ей вслед. Да, время никого не щадит... Затем она вздыхает и принимается разбирать огромную пачку документов, скопившуюся у нее на столе. Рабочий день неуклонно и неизбежно наваливается на нее.

Утро. 08:55

В кабинете истории, тем временем, жизнь идет своим чередом. Каждая минута отсутствия учителя – это возможность еще хоть немного позаниматься своими делами, которые, разумеется, в разы интереснее всего того, что может рассказать любой взрослый, распинаящийся сорок пять минут у доски.

Драчунья Ира Соколова по прозвищу «Птаха» уже простила своего непутевого бойфренда и увлеченно его нацеловывает, нисколько не смущаясь одноклассников. Впрочем, никого и не заботит милование парочки – привычная картина, да и у каждого своих дел полно! На первой парте лучший ученик класса, идущий на золотую медаль Дима Орлов, по прозвищу «Дипломат» штудировает пособие «Для поступающих в МГИМО». Полистав книгу, Дипломат с презрением захлопывает ее и отбрасывает от себя. С соседней парты его окликает Семен Малкин по кличке «Малик». В руках у него подобное издание – «Для поступающих в МГУ».

– Не катит?

– Не-а, муть одна, ничего путного. А у тебя как?

– Ты знаешь, есть кое-что, ну чисто практические моменты, но на самом деле мне сказали, что нужно тянуть аж на уровень второго курса, тогда шанс реальный. И еще интересно – если начинают валить, то вопросы по новейшим

западным исследованиям вкатывают! Из тех, что еще даже на русский не перевели, прикинь?

Скромная зубрилка Юлька Ракитина, затаив дыхание прислушивается к их разговору, делая вид, что переписывает конспект. Она давно и очень неровно дышит к Дипломату, каждое слово которого представляется ей наполненным тайным смыслом. Ракитина нежно смотрит на Дипломата, но тот не достаивает девушку и взглядом, а продолжает над ее головой беседу с Маликом.

– Да уж. Но жизнь, сам знаешь... Жестче кое-чего.

Парни косятся, обмениваются понимающими улыбками, а Зубрила слегка краснеет, но ее волнение по-прежнему не занимает блистательный ум Димы Орлова. Малик протягивает Дипломату свежий американский журнал со статьей по кибернетике.

– Ты, кстати, с английшем не помог бы? Мне один чувак притаранил журнал, там как раз самые новинки опубликованы.

Но Дипломат отрицательно качает головой.

– Прости, перегруз! А точнее, даже перезагруз!

– Намек понял, эх... Жаль! Самому как-то придется....

Малик начинает самостоятельно бороться с английским языком – уж больно хочется узнать о новейших кибернетических изобретениях. В мечтах он уже в Калифорнии, в «сيليконовой долине» и на пороге важнейшего открытия века...

Из блаженного состояния мечты Малика выгоняет громкий, недовольный голос Зубрилы.

– Слышь, Жулбин, нельзя потише, а? Детство в одном месте играет?

Сидящий позади них Артем Жулбин – самозабвенный эгоист и профессиональный спорщик по прозвищу «Жаба», играет на мобильнике в «стрелялки», включив звук на полную катушку. На весь класс раздается: «Бдыщ, бдыщ, бдыщ, тра-та-та-та! Ба-бах!» Затем опять: «Бдыщ, бдыщ!» Жулбин ни с кем не считается, а уж на Зубрилу ему тридцать раз наплевать.

– Уткнись в шпаргалку, недоделка!

Пробурчав это, Жаба вновь возвращается к стрелялке. Слоняющийся от скуки между рядов местный клоун Гусько, решает проявить мужскую солидарность.

– Эй, Зубрилка, ты всю историю уже вызубрила или только до каменного века добралась?

Жаба презрительно фыркает.

– Не видишь что ли – она сама из каменного века! Такая же уродка! Неандерталка!

– А вы дебилы оба, – обороняется Зубрила, – ни одной книжки, небось, в жизни не прочитали. Особенно ты, Гуся.

– Да твои книжки и хомячки читать не станут, не то, что гений – я!

Выдав эту тираду, Гуся горделиво шествует на свое место.

Ветер

В мирную тишину директорского кабинета внезапно врывается кричащий вихрь возмущения. Агнесса Андреевна от неожиданности подпрыгивает на мягком кожаном сидении своего кресла и на несколько секунд замирает в оцепенении, стараясь понять и связать воедино бессвязные выкрики математички Любви Петровны. Все-таки старшее поколение совершенно не умеет сдерживать свои эмоции! А еще так любят говорить о хорошем воспитании... То Алла в слезах, то Баранова в истерике... Послушать только эти вопли.

– Агнесса Андреевна! У нас ЧП! Он опять спит!

Масла в огонь подливает Лия Павловна, квохчущая в дверях.

– Кто? Кто, Любовь Петровна? Кто спит?

– Да Петр этот, Иванович!

– Кто??

– Да охранник!

– А! Иван Петрович!

Агнессе Андреевне, наконец, удастся поймать нить повествования. А Баранова, между тем, продолжает фонтанировать.

– Петрович, Иваныч, в общем, хоть горшком назовите, но этого терпеть больше нельзя. Мало ли что случится – дети же словно бешеные – драки, свары, а этот спит себе, как

сурок, спяну. Если травматизм какой – вы же будете отвечать, Агнесса Андреевна!

Агнесса пытается внести в этот хаос хотя бы каплю логики.

– А с чего вы взяли, что он выпивши?

– Да вы понюхайте его! Агнесса Андреевна! Я прошу принять меры. То есть, уволить этого пьяного хулигана, выполняющего у нас по какой-то непонятной мне причине роль охранника. Я теперь этого так не оставлю.

Если нужно будет – напишу заявление в милицию. А при необходимости – и заявление об увольнении. Вот так! Все, мне пора в класс, пока там детский терроризм не начался.

Любовь Сергеевну выносит из кабинета на волне собственного праведного гнева. Лия Павловна задумчиво качает головой.

– Да... Борону теперь не остановишь. Надо было ей чайку с конфеточками предложить, может, утихомирилась бы!

– Кого?

Агнесса Андреевна недоуменно взирает на помощницу.

– Да Баранову, Любовь Сергеевну. А вы не в курсе? Ребята ее прозвали «борона». Упертая очень...

– Борона... Ну, надо же! Откуда они такие слова знают? Лия Павловна, пойдите-ка, разбудите охранника! Пусть ко мне зайдет. А после, пожалуй... Сделайте мне чайку. Похоже, уже пора. Больно утро бурное.

– Конечно, сделаю! С самыми вкусными конфеточками!

Лия Павловна выбегает с завидной для ее возраста прытью, а Агнесса Андреевна вновь берется за документы. Но под руку ей предательски лезет фото Аллы Николаевны, снятое с доски почета, и молодая директриса досадливо запихивает его в самую глубину ящика стола. Пусть отлежится.

Утро. 09:00

Тревожно и навязчиво дребезжит школьный звонок. Сегодня, как никогда, вся жизнь замкнута на этот звук, отмеряющий куски отпущенного времени сорокапятиминутками уроков и пятнадцатиминутками перемен, которые вошли, въелись в самую кровь, в плоть, в душу, без которых уже и жить-то никак невозможно... А вдруг придется привыкать? А ведь рано или поздно придется, как не крути! Так почему не сейчас? Пожить для себя... тем более, если верить врачам, то недолго и осталось. Для себя? А как это? Как это делается-то, а??? Не умею ведь... Так за всю жизнь и не научилась... Всё – ради мамы, ради дочери, ради школы... И что? В итоге – что? Тотальное одиночество. Алла Николаевна стоит у окна на лестнице между этажами, запертая в вакууме своего отчаяния, между адом и раем, между землей и небом. Слезы непроизвольно льются из глаз, неудержимо, безнадежно, солоно и горько.

Однако, класс ждет, и нужно туда идти. Алла Николаевна, позволив себе хлопнуть носом в последний раз, тщательно вытирает заплаканные глаза и решительно шагает по ступенькам вверх, преодолевая внутреннее сопротивление, быстро минует опустевшую рекреацию и, прислушиваясь к шуму в своем брошенном на произвол судьбы классе, помедлив, останавливается в проеме двери, наблюдая.

Ребята, пользуясь кратковременной свободой, снуют между парт, смеются, играют в гаджеты. Но вот, Милка, подняв глаза, видит Аллу Николаевну в дверях, и по классу летит шепоток: «Училка, училка пришла, смотрите, училка!» Суетливое броуновское движение, мгновение – и все уже сидят на своих местах, в ожидании. Алле Николаевне ничего не остается, как сделать еще один шаг вперед, войти в класс и закрыть за собой дверь. Словно в клетку со львами. Соберись, тряпка, ты же здесь укротитель! Соберись и иди...

– Я тороплюсь, Алла Николаевна!... Правда-правда тороплюсь!

Алла Николаевна оборачивается на крик. Мечта всех парней по имени Вика Королёва. Нарядная, словно подружка невесты. Красотка медленно ковыляет по коридору на высоких каблуках, аккуратно перебирая тонкими ножками.

– Туфли новые, не привыкла еще!

– Королева, ты уже с дискотеки или только собралась?

– Алла Николаевна, бегу!

Алла Николаевна покорно ждет, пока Вика одолеет коридор. В классе Милка, не слышавшая их диалога, недоумевает.

– Чего это с училкой? Застыла в дверях и молчит... Может, урок отменит?

– А я в одном кино видел, что когда так затихают, то в монстра превращаются!

Это произносит Зеленка свистящим страшным шёпотом

и внезапно хватает Милку сзади за шею. Та со страху истошно визжит, после чего, лупит Зеленку по рукам, под радостный хохот одноклассников.

– Вон, смотри, одна уже в зомбака превратилась! Держись от нее подальше, это заразно, – подхватывает Шило, указывая на девочку, одетую в вычурные готические одежды и театрально загримированную.

«Готка» и ухом не ведет и, даже не оборачиваясь, поднимает руку вверх и показывает «фак» насмешникам. Но на сей раз впустую – явление классу разодетой Вики Королевой отвлекает от нее внимание. Милка оборачивается к Шиловскому.

– А вот и сюрприз, Шило! Вау, Викусь! Поздравляю, круто!

Вика победно шествует по проходу между партами, словно манекенщица по подиуму, собирая восхищенные взгляды парней и завистливые – девчонок. Непринужденно покрутившись у своего места, чтобы все могли оценить великолепие ее нового наряда, Вика не торопится сесть за парту. Прежде она подставляет щечку для поцелуя своему постоянному ухажеру, другу и покровителю Шиловскому и лишь после того усаживается. Вика собирается продолжить разговор с Милкой, Шилом и Зеленкой о своей неотразимой красоте, но Алла Николаевна, доселе терпеливо наблюдавшая эту сцену, решает прервать поток восторгов.

– Здравствуйте! Мы начинаем урок...

Однако Шиловский, гордый за свою подругу, еще не успокоился.

– Зая моя! – басит он нежно на весь класс и, обняв Вику сзади, целует ее в шею, отчего Зая жмурится как довольная кошка – вот-вот замурлычет.

Слегка смущенные их слишком откровенными нежностями Зеленка и Гуся наперебой пытаются острить.

– Зайка моя, я твой тазик!

– Ф-у-у-у! Королёва, ты что, в цирке задержалась? Тебя со вчерашнего дня клоуны с арены не выпускали?

Верная Милка вступается за подругу.

– Темный ты Гуся! Это же тренд!

– Я не поняла? Вы ничего не перепутали? Здесь урок истории или цирк, а может зоопарк? Или кунсткамера? Никто разве не учил вас вставать, когда учитель входит в класс? За десять лет вы это не усвоили?

Алла Николаевна пытается сдержать рвущийся наружу гнев. Как угодно, но нельзя сейчас давать себе волю. Господи, дай терпения...

– А мы тут учителя не заметили!

«Чума» – он и есть чума. Не зря прозвали. На всю школу чума... отпетый. Нельзя дать ему сегодня вывести себя из равновесия. Никак нельзя...

– Петров, не начинай, пожалуйста, а? Всем известно, что твоим воспитанием явно некому заниматься. Вставайте! Я долго ждать буду? Ну, живо, живо!

Класс лениво встает. Гуся пытается слегка смягчить хамскую выходку Чумы.

– Чума попутал, Алла Николаевна... Мы-то вас заметили, но в глазах зарябило от серо-буро-малинового Зайкиного тренда.

– Эй, кому Зайка, а кому Виктория Алексеевна!

Королева вовсе не сердится, она лукаво улыбается Гусе. Зубрила оборачивается с первой парты и цедит сквозь зубы: «Хватит понтов, достали уже! Ты хоть день можешь без показухи прожить?» Но Вика мгновенно парирует: «Зубрила, расслабься, я просто забыла у тебя разрешения спросить!» Под шум аплодисментов мужской половины класса она горделиво улыбается, хлопая накрашенными ресницами. Гуся посылает ей воздушный поцелуй, в ответ же видит кулак Шиловского. Чума, между тем не успокаивается.

– А что еще вам про меня известно? – он сверлит Аллу Николаевну презрительным взглядом и рот его кривится от злобы.

– Заткнись уже Чума, все знают, что ты – чемпион по ту-порылости!

Чума показывает крикнувшему это Зеленке кулак, тот отвечает тем же, класс веселится – любят они площадные развлечения. Что угодно годится, только бы оттянуть начало урока. Стараясь не обращать на них внимания, Алла Николаевна поворачивается к доске, и видит надпись «Училка – ТП». Вот бы взять их всех и застрелить нафиг. Но – нечем.

И нужно держаться. Нужно выстоять, вытерпеть. Она быстро стирает похабщину с доски и оборачивается к своим учителям с совершенно непроницаемым лицом.

– Итак, тема сегодняшнего урока: «Российская Федерация: поиск пути развития с 1991 года». Кто из вас что-нибудь знает об этом периоде?

– Провал в анал! В смысле – полный провал идеи СССР!

– Ну, ты загнул, Гусятина! Прямо, стихи...

– Какие глубокие познания, Гусько... Хотя, по-существу, прав...

– О-па, Гуся прогнулся под училку... Зачёт!

– Тогда шмоток нормальных не было!

Зая хмурит хорошенький лобик, и на лице у нее написано искреннее сострадание к барышням эпохи перестройки, вынужденным ходить в неэстетичных обносках и лохмотьях. Масяня демонстративно закатывает глаза.

– Кто о чем... А Королёва о прикиде...

– А что, правда... Мне мама рассказывала...

Симпатичная рыжеволосая пышечка по кличке «Панда», увлеченная кулинарка, выкрикивает с места.

– Талоны были! На еду и еще на что-то... На мыло что ли? Моя бабушка собирала водочные талоны и меняла их на сахар.

– Ну и дура твоя бабка! Водку на сахар! – Чума выразительно крутит пальцем у виска.

– А что такого? Она – варенье варить... – обижается Пан-

да.

– Все верно, талоны были, молодец... Что еще?

Алла Николаевна оглядывает класс, но все молчат, а Готка демонстративно игнорируя урок, что-то рассматривает в своем планшете.

– Сизова, а ты что об этом знаешь? Отвлекись от картинок, удели внимание классу. Сизова, я к тебе обращаюсь!

– Эй, гробокопательша, пискни из могилы!

С этими словами Чума запускает Готке в голову учебник, но промахивается и книга, чуть не выбив стекло у портрета Михаила Горбачева, с шумом падает на пол. Готка невозмутимо поднимает голову, смотрит на Чуму, затем медленно возводит руку, всю сплошь в цепочках, вверх и показывает Чуме «фак».

– Я – Мортиш, а не Сизова. Варенье меня не интересует – любая еда это лишь возможность пополнить энергетический запас. А из чего он возьмется – это пофигу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.